

## НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ В ХАРАКТЕРЕ ОНЕГИНА

Проблема национального характера — вопрос и важный, и малоизученный в современном литературоведении. Как это ни парадоксально, но оценка ведущих героев русской литературы как национального явления оказывается для исследователей вакуумом, абсолютной пустотой. Исключение составляет лишь Обломов, о котором после известного высказывания В. И. Ленина<sup>1</sup> не говорить как о национальном характере стало невозможным. Поэтому вышедшая в свет в 1964 году книга Б. Бурсова «Национальное своеобразие русской литературы» заслуживает безусловного внимания прежде всего потому, что автор рассматривает в ней Онегина, Печорина, Рудина, Болконского и т. д. в первую очередь как характеры национальные.

Через всю русскую литературу XIX века, изменяясь соответственно историческим условиям и одновременно сохраняя стержневые черты, проходит национальный тип интеллектуального героя.

Обратимся к роману «Евгений Онегин», впервые реалистически отразившему характер современного героя. Наша цель — не фетишизация национальной психики, национального характера в искусстве, а конкретно-исторический анализ данного литературного явления.

Подойти материалистически к понятию национального характера значит увидеть в нем исторически изменяющуюся форму общественного сознания, национально своеобразный склад психики общественного человека — явление, исторически конкретное и одновременно уходящее корнями в далекое прошлое.

Как указывают основоположники марксизма, общественная психология выступает в форме классовой и национальной психологии, причем различные социальные группы общества являются одновременно носителями как той, так и другой формы: национальные и классовые черты тесно переплетаются друг с другом.

Важное высказывание Ленина в «Критических заметках по национальному вопросу» о наличии в каждой национальной культуре, во-первых, «*господствующей культуры*», «*культуры помещиков, попов, буржуазии*» и, во-вторых, «*элементов демократической и социалистической культуры*»<sup>2</sup> недостаточно учитывается в литературоведении. В результате понятия «внеа национальный» и «внеа национальный» нередко выступают как синонимичные. Так, например, исходя из того, что Онегин далек от интересов и культуры народа, Гукровский объявляет его космополитическим типом.<sup>3</sup> Но дворянин может быть национальным и не гармонизируя с народной почвой. Русские дворяне, охотно следовавшие иностранным образцам, как правило, только внешне превращались в англоманов, гер-

<sup>1</sup> См.: В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 13.

<sup>2</sup> Там же, т. 24, стр. 120, 121.

<sup>3</sup> См.: Г. А. Гук ов с к и й. Пушкин и проблемы реалистического стиля. Гослитиздат, М., 1957, стр. 173—175.

маноманов, галломанов. Не случайно Беллинский со всем присущим ему пафосом боролся с «лапотно-сермяжным» мнением, признающим национальными лишь произведения из жизни низших сословий. У всех этих дворян — подражателей иностранному в отношениях гражданских, семейных, в исключительных жизненных поворотах проявлялись черты национальные.

Пушкин рисует в своем романе исконно-русское бытие дворянского класса. Разве не национальна судьба отца Онегина, его разорение, отразившее участь большинства великорусских дворянских семейств? <sup>4</sup> Показывая воспитание и образование Онегина, поэт рисует не историю формирования космополита, а «направления образования», реализуемые в России в начале XIX века во всем многоцветном богатстве «туземных ингредиентов». <sup>5</sup>

Так же национальны изображенные Пушкиным формы проявления русского вольнодумства. Стихам романа:

Вошел: и пробка в потолок,  
Вина кометы брызнул ток...

есть, как заметил Н. Л. Бродский, многозначительная параллель — стихотворение «К П. П. Каверину», где поэт призывает друзей презирать «ревнивое роптанье» черни:

Она не ведаст, что дружно можно жить  
С Киферой, с портиком, и с книгой, и с бокалом;  
Что ум высокий можно скрыть  
Безумной шалости под легким покрывалом.

Суровые требования к личной морали революционера появятся позже, в разночинский период. Для начала же 20-х годов классической формулой проявления русского вольнодумства станет фрагмент из 10-й главы «Онегина»:

Сначала эти заговоры  
Между Лафитом и Кликко  
Лишь были дружеские споры,  
И не входила глубоко  
В сердца мятежная наука,  
Все это было только скука,  
Безделье молодых умов,  
Забавы взрослых шалунов...

Хандра Онегина, подобная «английскому сплину», — также чисто русское явление. В книге «Евгений Онегин. Роман А. С. Пушкина» Н. Л. Бродский приводит признание В. Ф. Одоевского о тягостной скуке жизни, выдержки из «Книжки скуки» декабриста Н. И. Тургенева, заметки П. А. Вяземского о невежестве гражданском и политическом, которое «окаменело то, что начинало согреваться чувством», стихи К. Н. Батюшкова, выдержки из писем А. С. Грибоедова, полные тем же безнадежным настроением. Все это — проявления «общественной психологии в известных кругах дворянского класса». <sup>6</sup>

<sup>4</sup> Об этом см.: А. Романович-Славатинский. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Изд. 2-е, Киев, 1912, стр. 170—171.

<sup>5</sup> В. О. Ключевский, Сочинения в восьми томах, т. VII, Соцэргиз, М., 1959, стр. 420—421. Как заметил В. О. Ключевский, «здесь были и запас сваченных на лету идей с приправой мысли об их ненужности, и унаследованное от вольнодумных отцов брюзжанье с примесью скуки жизнью, преждевременно и бесплодно отведанной, и презрение к большому свету с неуменьем обойтись без него, и стыд безделья с непривычкой к труду и недостатком подготовки к делу, и скорбь о родине, и досада на себя, и лень, и уныние — весь умственный и нравственный скерб, унаследованный от отцов и дедов и прикрытый слоем острых или гнетущих чувств, внушенных старшими братьями».

<sup>6</sup> Н. Л. Бродский и др. Евгений Онегин. Роман А. С. Пушкина. Изд. 4-е, Учпедгиз, М., 1957, стр. 102.

Онегин сформировался в этой среде: отсюда гарольдов плащ, преклонение перед Байроном и Наполеоном. Но утверждать его полный отрыв от национального — значит судить по внешности. Не вернее ли было бы сказать: на определенном этапе развития страны в увлечении иностранной формой выразилась какая-то сторона русского дворянского характера.

Ленский, получивший воспитание в «Германии туманной», тоже внешне «полурусский», но его идеальная направленность выражает ту высокую идеальность, о которой мечтал Жуковский. Татьяна — живое воплощение недостижимости народной мечты о счастливой доле, но ее духовный мир формировался под сильнейшим влиянием не только фольклора, народного быта, но и иностранной литературы.

Содержание национальной сущности героев романа определено своеобразием исторического периода. Известно, что революционное движение дворян имело не узко классовый, а глубоко национальный характер. Именно в романе «Евгений Онегин», произведении, отражающем русскую действительность декабристского периода, Пушкин рисует синтетическую картину национальной жизни. Онегин, Ленский и Татьяна детерминированы в своей основе не узко классовыми интересами, а национально-народной почвой. В романе предполагается гармония между просвещенными дворянскими верхами и нацией в целом. Речь идет, разумеется, о передовом дворянстве, идеология и нравственность которого не были прямым отражением социальной сущности светской среды, а определялись противодействием этой среде, восстанием против ее норм и законов.

Национальный характер Онегина не вызывает сомнений у Б. Бурсова. Но место, которое он отводит герою, неопределенно: он и не с нацией господ, «потерявших свое человеческое достоинство», и не с нацией рабов, «не успевших осознать его». В условиях тогдашней России Б. Бурсов считает типичным лишь беззастенчивый произвол или безграничную заботливость и нетипичным всякое пробуждение человечности, поэтому Онегин не укладывается в рамки обстоятельств, разламывает их, выходя «за положенный родственным ему типическим характером предел».<sup>7</sup> Но необходимо уточнить, в рамках каких обстоятельств не входит Онегин. Разве сущность онегинского типа детерминирована консервативными обстоятельствами действительности? А передовые веяния времени, атмосфера, сформировавшая декабристов? Разве декабризм не был *типичным* явлением эпохи?

Не следует также игнорировать личные качества Онегина. Среда, его воспитавшая, в основном консервативна. Но так как доминирующие в нем черты оказались созвучны передовым веяниям времени, из него не получился ни Скотинин, ни Флянов. Его характер определен не односторонним влиянием среды, а взаимодействием характера и обстоятельств. «Образование только развивает нравственные силы человека, но не дает их, — писал Белинский, — дает их человеку природа. И в этой раздаче драгоценнейших даров своих она действует слепо, не разбирая сословий...»<sup>8</sup>

Глубокий и острый ум, независимость натуры, критицизм, нравственное здоровье оказались чертами, созвучными передовым идеям века. Онегин стал оппозиционно настроенной личностью. После разгрома декабристов прогрессивное значение типа пассивного протестанта усиливается. Называя первые 10 лет после разгрома декабризма ужасными, Герцен тем не менее писал о прогрессивном движении вширь и вглубь.

<sup>7</sup> Б. Бурсов. Национальное своеобразие русской литературы, стр. 256.

<sup>8</sup> В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. X, Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 301.

Увеличивалась прослойка независимых людей, отказывающихся от государственной службы. Эти люди не ждали милостей от правительства, не домогались ничего, берегли свою независимость. Это был период, когда категория праздных людей в среде дворян стала категорией оппозиции. К ним-то и может быть отнесен Онегин.

Как проявляет себя Онегин в сфере гражданских отношений? Это «лишний человек», точнее — это оппозиционно настроенный дворянин, эволюционирующий к категории «лишних людей», галерея которых в литературе им и открывается. В условиях жесточайшей реакции передовое мировоззрение Онегина (декабристы были героями-одиночками, Онегин отражал настроения большинства передового дворянства) могло проявляться в плане общественном лишь в пассивном критицизме. Но это немало. К. Маркс писал: «...человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо или по крайней мере находятся в процессе становления».<sup>9</sup> Идеиное содержание героя времени обусловлено действительностью и исторически ограничено. Отколовшись от дворянского общества, «лишние люди» встали на путь протеста против породившего их строя, но они не имели социальной опоры в массах. Поэтому цели их борьбы неясны, а форма протеста — индивидуалистическая. Однако, как представители раннего этапа пробуждения сознания общества, они являлись разрушителями феодальных отношений и тем способствовали общественному развитию.

С. Дурылин и А. Лаврецкий<sup>10</sup> считают Онегина и Печорина наиболее законченными, цельными типами лишних людей в русской литературе, так как они неспособны воздействовать на среду вследствие отсутствия определенных убеждений. Но они и наиболее передовые, утверждает Е. Михайлова. Она отмечает три характерные черты этого типа: их отрицание существующих принципов жизни бескомпромиссно; они были единственными героями последекабрьского периода, их взгляды не вступали в противоречие с более передовым мировоззрением; индивидуалистическая форма протеста отражала больше незрелость общественных отношений, чем их внутреннюю несостоятельность.<sup>11</sup>

Онегин — родоначальник образов «лишних людей» в русской литературе. Принадлежа к определенному направлению внутри дворянского класса периода 20-х годов, он безусловно представляет явление национальное, русское.

В. О. Ключевский в статье «Евгений Онегин и его предки» заметит за байроновскими чертами Онегина нечто местное, а именно: вольнодумство, с одной стороны, и скуку от бесполово проведенной жизни, с другой; презрение к свету — и неумение обойтись без него; стыд безделья — и непривычку к труду, словом, нравственную растерянность, смысл которой: «ничего сделать нельзя и не нужно делать».<sup>12</sup> Первая часть формулы: «ничего сделать нельзя» — свидетельство пробудившегося сознания, неудовлетворенности как следствия образования, возросшей культуры, вторая же часть: «... и не нужно делать» — говорит о настроениях бессилия, характерных для передовых, мыслящих людей в эпоху безвременья.

В. Ключевский прав, улавливая, как основу характера героя, противоречие между потребностями человека высокой культуры, свободной

<sup>9</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2-е, т. 13, стр. 7.

<sup>10</sup> Литературная энциклопедия, т. VI, 1932, статья А. Лаврецкого «Лишние люди»; С. Дурылин. «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова. Учпедгиз, М., 1940, стр. 102.

<sup>11</sup> Е. Михайлова. Проза Лермонтова. Гослитиздат, М., 1957, стр. 367—368.

<sup>12</sup> В. О. Ключевский, Сочинения, т. VII, стр. 421.

мысли и относительной бесполезностью, ненужностью его в условиях крепостничества и деспотизма. О том же писал Герцен: «Он все начинал и ничего не доводил до конца, он тем больше размышлял, чем меньше делал...»<sup>13</sup> Улавливая реальную противоречивость характера героя, авторы объясняют ее в основном одинаково: Ключевский — влиянием образования, не слившегося с органическими потребностями государства, Герцен — образованием, оказавшимся бесполезным, ненужным именно в условиях России того времени.

Оставшиеся в черновиках строки наглядно представляют безверие, скептицизм Онегина — основу его раздвоенности:

Собою жертвовать смешно.  
Иметь восторженные чувства  
Простительно в шестнадцать лет.  
Кто ими полон, тот пост  
Иль хочет высказать искусство  
Пред легковерною толпой.  
Что ж мы такое?.. боже мой!..

В последней строке звучит отчаяние, безнадежность. Может быть, ее пессимизм, вообще не свойственный Пушкину, и заставил поэта изъять весь отрывок.

Рассматривая героев романа как явление национальное, необходимо учесть не только их место в общественной жизни страны, но и социальный характер их психологии.

Онегин является посетителем ряда психологических особенностей, присущих и дворянскому классу в массе, и определенному течению его — передовому, оппозиционно настроенному дворянству. В чем своеобразие его психического мира?

В отличие от Ленского, чувства которого проявляются непосредственно, естественно и непритворно, Онегин представляет собой другой тип. Внешне он — язвительно-суровый, угрюмый, колко-проницательный, молчаливый и замкнутый. Он словно покрыт снаружи тонким ледяным слоем. В нем чувствуется что-то неопределенно-загадочное, чужое, непроницаемое. Что за этим фасадом? Холодное бездушие или тончайшие настроения, когда каждый толчок извне претворяется во внутреннюю трагедию? Нет, эта замкнутость в самом себе выражает не отсутствие чувства, не отсутствие резонанса на окружающее: действительность не представляет интереса для Онегина, он не находит в ней ничего, что его привлекало бы.

Это жизнь, погруженная в самое себя. Невозможно понять до конца, что он чувствует, да он и сам, по-видимому, не всегда знает это или знает неопределенно, ибо в нем соединяется несколько чувств, переживаемых одновременно. Внутренняя безнадежность и расщепленность. Нет потребности проявить свои возможности, как нет потребности в общении с людьми. Заняться чем-либо, кроме своей собственной личности, он не хочет и не может. Онегин сознает, что не имеет интереса ко многому, что важно для других.

Существует резкое противоречие между личностью героя и внешним миром. В нем нет «примиряющей справедливости», рассудительности и доброжелательства «здорового рассудка». Это человек постоянных душевных конфликтов, жизнь которого — цепь драматических положений. Ему чуждо примиренчество, поэтому и окружающий мир не может приспособиться к нему. Так образуется вокруг него атмосфера отчужденности. Элемент отчужденности есть и в дружбе с Ленским. Образуется союз двух мечтателей, отграниченный от стоящей в стороне толпы.

<sup>13</sup> А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, т. VII, Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 204.

Внутри его — пафос «культы личности», вне его — «толпа», сблизиться с которой не возникает желания ни у одного, ни у другого. Они словно отделены от мира стеклянной перегородкой, которая всегда сохраняется. В общении с Ленским он чувствует себя свободно. Под оболочкой отчужденности он любезен, тонок, но не всегда достаточно внимателен и деликатен. Перед нами человек, глубокий, острый ум которого обернулся беспомощностью. Его лучшие качества бесполезны, практически бездейственны.

Ситуация дуэли — это тот поворотный момент в жизни Онегина, когда раскрылись глубинные свойства его натуры. Дуэль — предрассудок старого общества, говорим мы. Но что такое предрассудок? Это элемент психологического склада, близкий к социальным привычкам. Явление иррациональное, предрассудок разделяется людьми определенной социальной или, шире, национальной категории в силу привычки. Дуэль характеризовала общественную психологию дворянства, нормам которой и подчинился Онегин.

В «тайном суде» перед дуэлью он обвиняет себя, но отказаться от дуэли не может. Таково разлагающее здоровую нравственную основу влияние действительности.

В раздвоенности сознания Онегина — корни той рефлексии, которая впоследствии будет свойственна и Печорину, и героям Толстого. В их чувствах, мыслях, в их действиях нет цельности, законченности, полноты. Самоанализ ставит под сомнение истинность зародившегося чувства, верность мысли, важность, ценность намерения, «и благоуханный цвет чувства блекнет, не распутившись, мысль дробится в бесконечность, как солнечный луч в граненом хрустале, рука, поднятая для действия, как внезапно окаменевшая, останавливается на взмахе и не ударяет».<sup>14</sup>

Во Франции эта раздвоенность была откликом на общественно-исторические потрясения и разочарования, которые восходят к революции 1789 года. В России — на реакцию второй половины александровского царствования и особенно — последекабрьского периода. Рефлексия являлась неотъемлемым свойством передового героя всей западной литературы на определенном этапе ее развития, но только в русской литературе эта характерная черта утвердилась на многие десятилетия. Основа этого явления — в стабилизировавшемся общественном застое России.

На передний план в ситуации дуэли выдвигается противоречие между гуманной сущностью героя и бесчеловечным проявлением раздвоенного, рефлектирующего характера.

«А как же удостовериться в том, что он в сущности своей поистине человек?» — спрашивает Бурсов и, не находя подтверждения этому в поступках героя, приходит к заключению: «Самый смысл пережитого Онегиным был не очень ясен, и Пушкин поднимает в наших глазах человеческую ценность своего героя, приближая его к себе. Значительность пережитого самим поэтом для нас несомненна».<sup>15</sup>

Действительно, в потенциях своего характера, которые далеко не всегда могут реализоваться, Онегин человек. Но, чувствуя в душе своей тягу к человеческому, светлому, с отвращением отталкиваясь от пустых, лицемерных, пошлых людей (он отрицает не действительность в целом, а обывательскую среду, неспособную откликнуться на живой порыв человеческого духа), Онегин, уходя из этого мира, унес с собой, как благоприобретенное, его мораль, его традиции. Сознвая их безнравственность, он в поступках своих не может стать выше условных требований света.

Есть в русской литературе, на первый взгляд, противоположный пример. В повести Достоевского «Кроткая» изображена участь человека, когда-то нашедшего в себе силы героически противостоять общественному

<sup>14</sup> В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 253.

<sup>15</sup> Б. Бурсов, Национальное своеобразие русской литературы, стр. 255.

мнению и отказаться от участия в дуэли. Общество отвергло его. Став отщепенцем, замкнувшись в своем отчаянии, гордости, он эволюционирует к самоуничтожению. Искажены все лучшие побуждения, чувства, исковеркана жизнь жены — самого близкого, любимого человека. Отчаяние, сознание безысходности приходит к нему лишь после ее самоубийства. То, что у героя Достоевского проявилось в ряде поступков, раскрывших искаженность нравственного чувства героя, в Онегине обнаружилось одновременно — в убийстве Ленского.

Итак, благородство души искажено бесчеловечной моралью. Не только бессилие ума, но и изломанность, искаженность природы героя — черты, рожденные гнетом деспотизма, — мы можем назвать национальными чертами характера передового дворянина данного исторического периода. В формировании их отразились и особенности исторического момента, и традиции прошлого. Не столько к самому поэту (как это делает Герцен), сколько к Онегину можно отнести слова: «В этом недостатке гордости и сопротивления, в этой странной податливости, узнаешь дурную сторону русского характера».<sup>16</sup> Безволие, пассивность Онегина, отсутствие сопротивления обстоятельствам — одна из причин убийства Ленского. Прав ли Б. Бурсов, заявляя: «Безволие героя русского романа — часто признак большой внутренней силы и возвышенности стремлений, зреющей готовности жертвовать собою ради общего, когда оно так или иначе прояснится для героя».<sup>17</sup> Безволие Онегина — это следствие постоянного давления консервативной действительности, нейтрализующей самые лучшие порывы, исключая возможность активного проявления богатых потенций характера, искажающей здоровую нравственную основу характера.

Герцен считал отличительной чертой эпохи раздумье, непрерывное переживание настоящего и прошедшего, поиск оправдания, объяснения своих и чужих поступков. Этот гамлетизм он называл болезнью промежуточных эпох. Мыслящий человек почувствовал себя ответственным за совершающееся вокруг. Вместе с тем он понимал и свою беспомощность. Это делало его характер аморфным. В условиях данного исторического момента распад характера углублялся пропорционально высоте духовных и нравственных запросов, приводя к неопределенности, расплывчатости природы. Такова причина безволия Онегина.

Застой в общественной жизни способствовал рождению «равнодушия и эгоизма турецких». Об этом писал декабрист Н. Тургенев: «Наконец все чувства в них притупляются и остается только один эгоизм, который тем более усиливается, чем более другие слабеют. Поэтому и нельзя назвать эгоизм чувством; он есть нечто противное чувствам».<sup>18</sup> Апатия и эгоизм проявлялись у молодежи той эпохи и в быту, и в общественной деятельности, и при допросе в следственной комиссии, и даже в укладе жизни в Сибири. Отсюда тоска, покаянные настроения у многих декабристов после репрессий. Эгоизм стал средством приспособления к действительности.

Через ситуацию дуэли воспроизводится жизнь, уничтожающая личность.

В безволии Онегина, в котором Бурсов находит нечто перспективное, намек на будущую самоотверженность, мы видим, соглашаясь с Герценом, «недостаток гордости и сопротивления» как результат влияния «социальных чувств», т. е. чувств, охватывающих большинство людей данной социальной группы. Не только отдельные классы, но и весь на-

<sup>16</sup> А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, т. VII, стр. 207.

<sup>17</sup> Б. Бурсов, Национальное своеобразие русской литературы, стр. 250.

<sup>18</sup> Декабрист П. П. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 286.

род долгие годы знал чувство страха, ненависти, возмущения и усталости. В нем рождались и жили вместе и чувство патриотизма, и чувства раба. Чтобы просто выжить в этих условиях, надо было приспособиться к резким, непрерывным переменам климата, сжиться со своими сомнениями, с оскорблением человеческого достоинства, привыкнуть к своему бессилию. Онегин выжил, но выработался тип, трагический в своей основе, сознающий свою «колоссальную ненужность», свою бесполезность. Герцен писал: «... он никогда не становится на сторону правительства, и... он никогда не способен стать на сторону народа...»<sup>19</sup> Первое есть следствие того, что духовный облик его обусловлен передовыми веяниями эпохи, национально-народными тенденциями, а второе вызвано прежде всего недостаточно развитыми противоречиями действительности, находящейся в состоянии относительной стабилизации, причина которой — общественный застой.

Искаженность, изломанность натуры героя, потенциально богатой, нравственно здоровой в своей основе, проявляется и в отношении Онегина к Татьяне.

Онегин не понял смелости, независимости поступка Татьяны (между тем самобытный характер капризен, ищет формы своего выражения). Он даже назидательно выговаривал ей за неумение «властвовать собою». Человек не пошлый, но опошленный восемью годами пребывания в свете, Онегин не смог понять родственную близость натур, не смог оценить Татьяну по достоинству, не смог поверить в силу и глубину ее чувства. Чтобы пробудилась его любовь, объектом ее должна была стать не «смирная девочка», а «богиня царственной Невы», нужно было встретить отпор, почти лишивший надежды на ответное чувство. Словом, любовь пришла через тщеславие. Внешне кажется, что Онегину добивается адюльтера, недаром большинство исследователей называет его чувство мелким плл, что чаще, недостойным ответной любви Татьяны. На первый взгляд, они правы. Но присмотримся к необычайно сложной психологической гамме письма Онегина. В нем отчаяние, острое ощущение одиночества, неприкаянности; в нем печаль и боль, терзания умного, мыслящего человека, горькие сожаления об утраченном счастье, ощущение своей ненужности. «лишности» в этом мире; в нем тоска, горечь и робкая надежда. Выражается чувство сложное, многогранное. Здесь и тяжелая страсть, мучительная и безнадежная (недаром Г. Гуковский психологически тонко увидел в слове «тащусь» почти грубое мужское требование-жалобу),<sup>20</sup> здесь и любовь, заполняющая собой весь мир, подчинившая себе целиком ум и волю Онегина, детски непосредственная и безрассудная. Однако обстоятельства действительности (имеется в виду влияние среды, воспитавшей его) нашли свое отражение и в письме Онегина. В нем выразилось и тщеславие, суетность его, и ложная боязнь насмешки, и индивидуалистический идеал покоя и вольности (правда, теперь он не ценит «постылую свободу»).

Но главное в его любви — сила и глубина чувства. Всей своей жизнью, всеми стремлениями и мечтами, пока неосуществленными, но неизменно живущими в нем, Онегин был подготовлен к чувству колоссальной силы. В нем отразилась не отдельная мысль, не случайное решение, а вся сущность, все содержание Онегина. Бесчувственное окаменение нарушено толчком, вдруг давшим из глубины сильнейшую вспышку.

Итак, еще одно несоответствие между формой и содержанием: на поверхности тщеславие, суетность, посягательство на честь и доброе имя женщины, в глубине — чувство, сконцентрировавшее все душевные

<sup>19</sup> А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, т. XVIII, стр. 183.

<sup>20</sup> См.: Г. А. Гуковский, Пупкин и проблемы реалистического стиля, стр. 265.



силы незаурядной личности, последняя ставка в жизни, большая, несбывшаяся мечта о счастье. Любовь Онегина — любовь русского человека. Для него это — высшее из чувств, связывающих людей, средство исцеления от самых тяжелых недугов.

Здесь-то и выразилась та высокая идеальность, которая неотъемлема от существа русского протестанта. В очень важный момент жизни в Онегине проявилась та мечтательность, которую он когда-то называл «горячкóй юных лет». Но у Онегина она выразилась не в формулах элегического романтизма, не в вольнолюбивых порывах, не в мечтах, далеких от реальности, а в беспредельном, искреннем преклонении перед истинно прекрасным, перед подлинным величием души. Онегин, ставший мечтателем, ни на минуту не отрывается от реальности. Об этом красноречиво свидетельствует его письмо.

Но любовь его по-русски трагична в своей основе. Влюбленный Онегин жалок, его жизнь неестественна, ибо любовь стала ее единственным содержанием. Кроме маленького мира сердечных отношений, Онегин ничего не знает. Очень емко, лаконично, без микроскопического анализа душевных переживаний, без развернутых психологических описаний Пушкин с поразительной глубиной рисует диалектику внутренней жизни героя. Внутренние контрасты углубляют психологическую перспективу, делают образ динамичным. Диалектика связи характера Онегина и обстоятельств такова, что если бы его любовь была взаимной, она превратилась бы в бездушный эгоизм, ибо выражает не «огонь жизни, а пламя, разрушающее жизнь». Человек может развиваться гармонически только в «мире всеобщего», а не в маленьком, частном мире. Не случайно автор, рисуя зарождающееся чувство героя, предвидит драматический конец:

Так бури осени холодной  
В болото обращают луг  
И обнажают лес вокруг.

«Лучше не развиваться человеку, нежели развиваться без влияния мысли об общественных делах, — писал Н. Г. Чернышевский, — без влияния чувств пробуждаемых участием в них. Если из круга моих наблюдений, из сферы действий, в которой вращаюсь я, исключены идеи и побуждения, имеющие предметом общую пользу, то есть исключены гражданские мотивы, что останется наблюдать мне? в чем остается участвовать мне? Остается хлопотливая сумятица отдельных личностей с личными узенькими заботами о своем кармане, о своем брюшке или о своих забавах».<sup>21</sup>

Онегин не суетится и не хлопочет, но он неполноценный человек, и жизнь его односторонна и бесцветна. Он — «аристократ духа», облеченный в горделивые доспехи независимости разума, разума абстрактного, кровного, далекого от жизни. Чтобы спасти себя от губительной раздвоенности, от душевной пустоты, он должен был поставить себя на службу обществу. Но пойти по этому пути могли лишь герои.

Из Онегина как из целого, разлив какую-то одну из его сторон, вышли типы Печорина, Болконского, Обломова и даже Рахметова. Онегин не бунтарь и не революционер. Его протест, пассивный критицизм — самая ранняя стадия революционности, прогрессивная лишь в условиях своего времени. Печорин, Арбенин — это уже бунтари. Они срывают маску с лицемерного света, но, сорвав ее, отворачиваются и уходят. Болконский хронологически предшествует Онегину, но Толстой приблизил его искания к настроениям своих современников, поэтому протест его более осознан. Он действителен: здесь и попытка найти «свой Тулон», и

<sup>21</sup> Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений в пятнадцати томах, т. V, Гослитиздат, М., 1950, стр. 169.

разочарованье в деятельности Сперанского, и осознание своей полноценности в борьбе с Наполеоном 1812 года. Как и Печорин, он презирает нравы общества, не выступая против его основ.

Как заметил Б. Бурсов, продолжая дальше онегинский тип, его развивают два антипода: Обломов и Рахметов.

И Онегину, и Обломову, и Рахметову свойственна высокая идеальность русского интеллектуального героя. Это делает Обломова и Рахметова последователями и наследниками Онегина. Но если «образ Рахметова — это господство убеждения, воли и знаний над обстоятельствами», то «образ Обломова символизирует владычество обстоятельств над человеком, не имеющим ни убеждений, ни воли, ни знаний».<sup>22</sup> В отличие от Печорина, Арбенина, Болконского, врагом которых являются лишь нравы общества, врагом Рахметова было само общество. Рахметов — революционер. Это значит, что ему свойственна самоотверженная преданность идее наряду с естественностью героизма. Для него характерны не бурное негодование или холодное презрение бунтаря, а дисциплинированность, мужество, прозорливость; он посвятил себя служению делу, имеющему народное значение.

Следует отметить еще одну разновидность онегинского типа. Это Николай Ставрогин в «Бесах» Достоевского. Ему свойственны бесстрашие, холодность, самонаблюдение и самоанализ. Пристрастие вместо стремления к праву и справедливости, беспринципность вместо обостренного понятия чести у Онегина. Моральная раздвоенность приводит к нравственному падению. Под маской демонизма — душевная опустошенность, утрата нравственных устоев, глухота к страданиям людей. Огромная внутренняя сила проявляется только в разгуле темных страстей, индивидуализме и человеконенавистничестве. Превращение незаурядного человека в холодного деспота, преступника и развратника — самое наглядное свидетельство антигуманистической сущности русской самодержавно-крепостнической действительности.

Коренное противоречие онегинского типа, а следовательно, и дворянской интеллигенции той эпохи, — противоречие между мыслью и чувством. Беспощадная мысль разрушает лучшие надежды сердца и обрекает человека на духовное бессилие. Сложно переплетаясь, взаимодействуя и обуславливая друг друга, два элемента онегинского типа создают характер странный, загадочный, не проявивший себя до конца, обещавший больше, чем давший. Лучшие качества его практически бездейственны, уничтожены дикой, бессмысленной силой, сопротивлению которой бесполезно.

Национальная сущность этого характера раскрыта Пушкиным диалектически. Поэт показывает силу и слабость интеллектуального героя: глубину его мысли, обернувшуюся бессилием, благородство души, искалеченной бесчеловечной моралью, искаженность, изломанность его натуры, его разочарования, сомнения, его безволие и эгоизм. Русский роман отразил и идеальную устремленность передового героя, и совсем не идеальные черты его характера, ибо зло, постоянное, безжалостное, самобытное, давило, нравственно калечило людей, вырабатывая черты эгоистического, инстинктивного стремления к самосохранению, причудливо соединявшиеся с высокими устремлениями.

Интеллектуальный герой русской литературы лишен гражданского пафоса Белинского и его сподвижников. Тем не менее значение его велико: он выразил драму всякого честного человека эпохи безвременья. В этом — общечеловеческое значение онегинского типа. В нем не только отразилось своеобразие русской литературы и русской истории, но и

<sup>22</sup> Б. Бурсов. Национальное своеобразие русской литературы, стр. 186.

нашли выражение традиции интернациональные. Широко выходя в общечеловеческий мир, Пушкин характером центрального героя продолжил линию Гамлета в искусстве. Это герой гамлетовского типа, но на светлые черты гуманиста наложила свою печать «гнусная расейская действительность», исказив гуманное начало и выработав черты эгоистической замкнутости и черствости характера.

Трагизм мироощущения Онегина — это трагизм его поколения. Исходное начало бессилия, бесперспективности Онегина, постоянной мучительной борьбы между стремлением к счастью, надеждой и бесстрашием, безнадежностью — в исторических условиях его времени.

Таково национальное своеобразие характера передового русского дворянина того периода, когда русское образованное сословие осознало себя, свое национальное и человеческое достоинство.

